

И. А. Шершнева-Циткульская

К вопросу о церковной юрисдикции над русскими князьями в контексте русско-византийских отношений (XI — середина XV вв.)

УДК 271.2-9:348.58

DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_182

EDN NVBEQX

Аннотация: Проблемы развития церковного правосудия в России привлекают внимание и историков, и правоведов. Актуальность этой проблематики связана с интересом современников к отношениям государства и Церкви, новизна исследования заключается в рассмотрении проблем осуществления церковного правосудия в отношении представителей светской власти — русских князей, в контексте правовых отношений Руси и Византии, представляет собой развитие авторских идей, высказанных в монографии «Правовой статус церковных имуществ в России в допатриарший период». В статье анализируются научные подходы и дается оценка сущности отношений государства и Церкви в Древней Руси, выдвигается авторская концепция, основанная на правовом анализе фактов и их научной интерпретации. Церковная юрисдикция митрополита над светскими князьями и известные в истории случаи реализации права церковного суда над светской властью рассматриваются не только как внутрисударственное явление, но и как доказательство ограничения внешнего суверенитета княжеской власти Константинопольской патриархией и Византийским государством. Автор приходит к выводу о том, что с падением Константинополя исчезают юрисдикционные ограничения для русских князей со стороны сюзерена — византийского императора, что становится основой для рецепции в России православной политико-правовой доктрины «симфонии властей». Статья подготовлена на основе доклада, представленного автором на V Баровских чтениях в Санкт-Петербургской духовной академии 13 декабря 2021 г.

Ключевые слова: государство и Церковь в России, история Византии, история Русской Православной Церкви, церковный суд, церковная юрисдикция, русско-византийские отношения, право и Церковь.

Об авторе: **Ирина Александровна Шершнева-Циткульская**

Кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры правоведения и практической юриспруденции Института общественных наук РАНХиГС.

E-mail: iracitulskaya72@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2417-1130>

Для цитирования: Шершнева-Циткульская И. А. К вопросу о церковной юрисдикции над русскими князьями в контексте русско-византийских отношений (XI — середина XV вв.) // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 182–194.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Irina A. Shershneva-Tsitulskaya

The Ecclesiastical Jurisdiction over Russian Princes in the Context of Russian-Byzantine Relations (11th – mid-15th centuries)

UDK 271.2-9:348.58

DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_182

EDN NVBEQX

Abstract: The problems of the development of ecclesiastical justice in Russia attract the attention of both historians and jurists. The relevance of this issue is associated with the interest of contemporaries in the relationship between the state and the Church, the novelty of the study lies in the consideration of the problems of the implementation of church justice in relation to representatives of secular power – the Russian princes, in the context of the legal relations of Russia and Byzantium, is a development of the author's ideas expressed in the monograph "Legal Status of Church Property in Russia in the Pre-Patriarchal Period". The article analyzes scientific approaches and assesses the essence of relations between the state and the Church in Kyivan Rus, puts forward the author's concept based on a legal analysis of facts and their scientific interpretation. The ecclesiastical jurisdiction of the metropolitan over secular princes and the well-known cases in history of exercising the right of ecclesiastical court over secular authorities are considered not only as a domestic phenomenon, but also as evidence of the limitation of the external sovereignty of princely power by the Patriarchate of Constantinople and the Byzantine state. The author comes to the conclusion that with the fall of Constantinople, the jurisdictional restrictions for the Russian princes on the part of the suzerain – the Byzantine Emperor – disappear, which becomes the basis for the reception in Russia of the Orthodox political and legal doctrine of the "symphony of authorities". The article was prepared on the basis of a report presented by the author at the 5th Barsov Readings at St. Petersburg Theological Academy on December 13, 2021.

Keywords: Russian state and church, history of Byzantium, history of the Russian Orthodox Church, ecclesiastical court, ecclesiastical jurisdiction, Russian-Byzantine relations, law and the church.

About the author: **Irina Aleksandrovna Shershneva-Tsitulskaya**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian, Associate Professor of the Department of Jurisprudence and Practical Jurisprudence of the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: iracitulskaya72@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2417-1130>

For citation: Shershneva-Tsitulskaya I. A. The Ecclesiastical Jurisdiction over Russian Princes in the Context of Russian-Byzantine Relations (11th – mid-15th centuries). *Khristsianskoye Chteniyе*, 2022, no. 3, pp. 182–194.

История и современное состояние церковного правосудия в России в последние годы привлекают внимание специалистов различных областей гуманитарного знания, в том числе правоведов. Следует отметить значительный научный вклад в изучение проблем эволюции церковного правосудия в России современных российских авторов, создавших в начале XXI в. не только отдельные научные статьи [Святогоров, Тарнакин, 2018, 125–133; Тетюхин, 2019, 79–95; Артемов, Гайденко, 2021, 215–226; Ведаев, 2021, 305–320; Исидор Тупикин, 2022, 186–195], но и монографические исследования [Белякова, 2004; Глухов, 2006; Адельгейм, 2008; Беговатов, 2017; Осавельюк, 2019; Гайденко, Оспенников, 2020]. Особую роль в изучении проблем церковного правосудия в России в научном сообществе сегодня играет деятельность Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви (Барсовского общества), объединившего ученых различных отраслей гуманитарного знания, интересующихся каноническим правом и церковной историей. Действительные члены Барсовского общества за последние годы опубликовали целый ряд работ, посвященных церковному правосудию в России, в том числе и в ракурсе правового анализа церковного судоустройства и судопроизводства в различные исторические эпохи [Волужков, 2018а, 97–101; Волужков, 2018б, 158–171; Волужков, 2019а, 167–172; Волужков, 2019б, 119–130; Гайденко, 2020а, 19–27; Гайденко, 2020б, 109–120; Дорская, 2014, 161–172; Ерохина, 2020а, 315–340; Ерохина, 2020б, 238–248; Оспенников, 2020а, 47–60; Оспенников, 2020б, 123–133].

Автором статьи проблемы церковного правосудия в России затрагивались в монографическом исследовании, посвященном имущественным правам Русской Православной Церкви в допатриарший период [Шершнева-Цитульская, 2016]. В настоящей статье представлено развитие идей, отраженных в указанной монографии относительно церковной юрисдикции над русскими князьями в контексте русско-византийских отношений. Новизна исследования заключается в постановке самой проблемы изучения правовой истории отношений государства и Церкви в Средневековой Руси в достаточно узком аспекте: осуществлении церковного правосудия в отношении представителей светской власти — русских князей. При этом ставится задача изучить юрисдикцию церковных судов над русскими князьями как правителями княжеств в контексте правовых отношений Руси и Византии с использованием формально-логического (юридического) и сравнительно-правового методов исследования. Избранный для исследования хронологический период связан с основанием Киевской митрополии Константинопольской патриархии, вследствие чего над землями Древней Руси устанавливается церковная юрисдикция Константинополя, и обусловлен падением Византийской империи в середине XV в. с фактическим освобождением Русской Православной Церкви из-под власти Константинопольской патриархии.

В течение указанного периода шел процесс утверждения в древнерусском обществе православия и возникновения, а затем укрепления церковной организации как института феодального общества. Изучаемый период не является однородным с точки зрения исторического, социального, экономического и геополитического положения русских земель. Разумеется, общественные отношения и форма государства периода X–XI вв. и эти же элементы к середине XV в. не могли оставаться в статичном состоянии, напротив, они пусть и медленно, но все же развивались.

Эволюционировали и отношения Руси и Византии, что было связано не только с исторической обстановкой, но и с изменениями в геополитическом положении двух государств. Если в начале исследуемого периода Византийская империя находилась на пике своего могущества, то к его завершению имперская звезда уже клонилась к закату, а затем государственность Византии и вовсе исчезла с карты мира. Русь прошла через эпоху становления раннефеодального общества и государства, период феодальной раздробленности и процесс «собирания» русских земель, завершившийся формированием российского централизованного государства. В то же время формально-юридическая сторона отношений Византии и русских земель, в том числе по линии отношений российской государственности и Церкви, длительный период

времени оставалась достаточно устойчивой и не выходила за рамки правовой конструкции, сложившейся в начале рассматриваемого периода, что позволяет выделить указанный хронологический период в качестве единого этапа.

Разумеется, об истории русско-византийских отношений существует обширная историография, рассмотрение которой, однако, не ставится в качестве задачи в данном исследовании, за исключением узкого аспекта — проблемы церковной юрисдикции над светской властью в Средневековой Руси. Представляется, что этот аспект истории церковного правосудия мало исследован не потому, что отсутствуют какие-либо исторические источники по этому поводу (как раз наоборот — они существуют) и не потому, что историки не описывали в своих работах отдельные сюжеты, посвященные случаям применения норм канонического права в рамках судебной юрисдикции Церкви по отношению к представителям светской власти [Галимов, 2012, 107; Гайдено, Фомина, 2012, 38–44; Павлушков, 2019, 51; Павлушков, 2014, 56–61], а потому что их правовой интерпретацией отечественная наука занималась фрагментарно, в силу чего отдельные юридически значимые факты остались без должной оценки. Думается, изучение указанной проблемы невозможно без юридической оценки сути правовых отношений Византии и российской государственности, выявления и осмысления правовой конструкции этих отношений как базиса для понимания сути проблем осуществления церковной юрисдикции над русскими князьями-правителями в период с XI по середину XV вв.

Какой представляется правовая конструкция русско-византийских отношений в научных исследованиях?

Прежде всего, в существующей научной литературе красной нитью проходит тезис о независимости светской власти в лице киевских, а затем великих московских князей от светской власти Византийской империи [Суворов, 2004, 83–84; Медведев, 1972, 418; Скрынников, 2000, 26–28; Шевырин, 2019, 47], но допускается наличие правовой связи в отношении русских князей как правящих монархов и Константинопольской патриархии [Суворов, 2004, 83; Михайлова, Ефимова, 2010, 4–5; Малето, 2018, 30, 43]. Однако в контексте анализа русско-византийских правовых отношений видится, что «игроков» на этом поле изначально было несколько больше, чем только киевский князь, киевский митрополит и константинопольский патриарх. Из этой схемы исследователи упорно выводят византийского императора, предлагая упрощенную конструкцию, в которой есть обязанность светской власти Древней Руси принять присланного Константинополем митрополита как представителя патриархии и подчиниться митрополиту в вопросах религиозного характера.

Думается, что, исключая из указанной конструкции византийского императора, исследователи делают ошибку, поскольку в правовых отношениях Руси и Византии, в том числе государственно-церковных, едва ли не первую скрипку играл отнюдь не константинопольский патриарх, а византийский император. Поэтому прежде всего следует рассмотреть **тезис о зависимости княжеской власти Древней Руси от византийского императора как важнейшем последствии принятия православия.**

Для анализа придется вернуться к истокам и рассмотреть правовые аспекты крещения князя Владимира, в том числе условия принятия Русью христианства. Известны ли современным исследователям эти условия? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, поскольку все, чем располагают современные исследователи, — это летописные сведения, которые описывают события, но юридически значимые документы отсутствуют. Из летописных сводов можно почерпнуть сведения о сложившейся обстановке, в которой принималось христианство князем Владимиром и его дружиной, а также о последующих действиях князя по распространению христианства, которые могли быть как частью договора с Византией, так и проявлением собственной, независимой от Византии, политики киевского князя.

В любом случае текстом договора исследователи не располагают, что настораживает, поскольку до этого момента отношения Древней Руси и Византии скреплялись письменными договорами, и их тексты приводятся в летописных сводах. Почему же нет текста договора 987 г. между киевским князем Владимиром и императором

Византии с целью совместных действий в деле подавления мятежа Варды Фоки, откуда вытекала обязанность принять христианство киевским князем Владимиром как важнейшее условие межгосударственного союза и заключения династического брака (ПВЛ, 274–275)? Ответ здесь может быть однозначный: договор между главами двух государств носил личный характер, рассматривался как личное соглашение и никаких новых правовых норм, направленных на неоднократное применение, не создавал. Иными словами, данный договор не являлся нормативным по своей сути и содержанию, поэтому даже если он и был письменно оформлен, то спустя несколько веков при создании летописных сводов не находился в распоряжении составителей.

Однако, изучая текст летописного свода — Повести временных лет, хотелось бы обратить внимание на такую юридически важную деталь: обращение князя Владимира с просьбой о принятии христианства *не к патриарху как главе Церкви, а к императору как верховному правителю православной империи*.

Думается, что эта деталь в Повести временных лет не случайна. Она гармонично вписывается в государственно-правовую доктрину, бытовавшую в Византийской империи по поводу отношения империи к принявшим православие соседним народам. Суть этой доктрины проста: все народы, принимавшие православие, признавались подданными византийского императора. Именно об этом сообщал патриарх Фотий еще в 867 г., говоря о событии крещения князей русских, правивших Киевом до династии Рюриковичей, что русы поставили себя «**в чин подданных** и друзей наших» [Левченко, 1956, 77] (выделено мной. — *И. Ш.-Ц.*), приняв христианство. Эта доктрина была хорошо известна и русским канонистам [Павлов, 1879, 45; Суворов, 1889, 110], указывавшим в исследованиях, что Византия, распространяя свет христианства среди соседних народов, «как бы автоматически, естественно вводила его в состав империи, даже если это вхождение было чистой фикцией, не признавалось самим этим народом» [Православная мысль, 1947, 134].

В свете указанной правовой доктрины факт принятия христианства главой государства и распространения его среди подданных неизбежно порождает вопрос о суверенности монарха древнерусского государства, ведь статус киевского князя должен был измениться, по крайней мере, в международно-правовом измерении. Весьма любопытно, что древнерусские письменные источники как минимум с XI в. четко отразили суть нового международно-правового статуса верховной государственной власти на Руси. Так, современные историки обращают внимание на то, что только византийского императора древнерусские источники именовали царем в государственно-правовом смысле, а отдельные случаи упоминания в текстах указанного периода термина «царь» применительно к древнерусским князьям приходится на литературные произведения и иные исторические документы, не относящиеся к юридическим актам [Горский, 1995, 98–99; Емченко, 2005, 209–210; Водов, 2002, 506–507].

Византийские представления о подчинении светской власти феодальных русских княжеств и республик Византийской империи и в более позднее историческое время красноречиво показывает отрывок из послания константинопольского патриарха великому московскому князю Василию I, в котором русский князь поучается по поводу необходимости оказания уважения императору Византии: «Невозможно для христиан иметь Церковь и не иметь царя, ибо царство и Церковь находятся в тесном союзе, и невозможно отделить их друг от друга... Святой император не таков, как прочие князья и правители... Он помазуется великим мирром и поставляется **императором ромеев, то есть всех христиан**» (РИБ, 272, 276) (выделено мной. — *И. Ш.-Ц.*). Таким образом, можно утверждать об укоренении государственно-правовой доктрины подчинения крещеных в православие народов империи в лице византийского императора в международных отношениях эпохи Средневековья.

Знали ли об этой доктрине русские князья и признавали ли свое зависимое положение? Думается, что знали.

В качестве доказательства можно, например, сослаться на чин поминовения должностных лиц при богослужении в русских православных приходах и монастырях.

В первую очередь следовало почитать византийского императора, затем константинопольского патриарха и митрополита, в последнюю очередь — местного правящего князя. В условиях сословного феодального общества и государства указанный порядок означал признание юридического верховенства византийского императора над местным монархом.

Такое положение сохранялось и в эпоху раздробленности, и в эпоху образования централизованного государства. Как отмечают исследователи, даже в XIV в. великих московских князей в официальных международно-правовых актах титуловали стольниками византийского царя, что соответствовало доктрине главенства императора в православном мире [Оболенский, 1970, 5; Скрынников, 1996, 137]. К примеру, М. А. Дьяконов полагал, что «различие власти между василевсами и русскими князьями было столь велико, что последние почитали за честь быть вассалами византийского императора, они получали от него чин или сан стольника» [Дьяконов, 1889, 13]. В правление династии Палеологов также достаточно часто в документах официально-характера русские назывались подданными Византии наряду с другими православными народами [Analecta, 1891, 57–58], причем подчинение империи этих территорий византийские письменные источники указанной эпохи относили к правлению Константина Великого [Ševuenko, 1964, 447–450].

В свою очередь и русские князья в официальных документах признавали свое подчиненное положение по отношению к византийскому императору. Так, посол князя Михаила Ярославича Тверского, обращаясь в 1318 г. к императору Андронику II Палеологу, называет титул своего князя при дворе императора — «кравчий» (РИБ, 273–274). Вместе с тем земли Руси никогда не входили в официальный перечень византийских провинций, но этот аргумент еще не может быть основанием для отрицания какой-либо формы юридической зависимости княжеской власти от империи. Получение титула при дворе императора в силу сущности феодального государства не было исключительно формальностью, и в международных отношениях рассматриваемой эпохи означало признание зависимости от императорской власти, даже если реально ни один из русских князей не исполнял соответствующие чину и титулу обязанности непосредственно при дворе императора.

Рассмотрев отдельные аргументы в отношении правовой зависимости княжеской власти от императора Византии, следует обратить внимание на широко известную в отечественной науке доктрину «симфонии властей». Она была реципирована из византийского права, но длительное время оставалась не востребуемой в практике российских государственно-церковных отношений. Юридическим препятствием для ее осуществления являлось то, что ни русские князья, ни митрополиты не являлись полностью самостоятельными субъектами государственно-церковных отношений, поэтому данная доктрина не могла воплотиться в полной мере, хотя ее отдельные элементы периодически возникали в повседневном опыте взаимодействия князей и митрополитов как глав светской и церковной власти. Разумеется, тот факт, что Константинополь не рассматривал отношения монарха любого русского княжества и митрополита как «симфонию властей», существенно влиял на практику церковного правосудия в отношении правящих русских князей.

В практике византийских государственно-церковных отношений эта доктрина действовала в рассматриваемый в статье период. Согласно «симфонии властей», главы светской и духовной власти ограничивали и одновременно дополняли властные полномочия друг друга, находясь в неразрывном единстве — «созвучии», при неперменной независимости друг от друга и суверенности своей власти в отношении иных субъектов права. Однако соответствовала ли эта доктрина, восходящая к VI в., юридической конструкции отношений патриарха и императора, оформившейся в Византии к XI столетию?

Думается, что лишь отчасти. Действительно, патриарх ограничивал полномочия императора. Например, тем, что так же, как и император, пользовался правом издания нормативных правовых актов, имел право возводить императора на трон, обращаться к нему с воззваниями и наставлениями. Но вместе с тем любой патриарх являлся

подданным императора и официально вместе с церковной иерархией состоял на службе империи. Сложившееся в отечественной историографии представление о том, что особенностью правовых отношений в Византии было якобы отсутствие четкого разграничения между государством и Церковью властных полномочий [Соколов, 2003; Николин, 1997, 121; Величко, 2013], юридически несостоятельно. Границы власти императора и патриарха в их «симфонии» были четко очерчены если и не законами, то сложившимися в обществе и санкционированными государством правовыми обычаями, вытекавшими из повседневной практики взаимодействия императора и патриарха.

В период принятия Русью христианства в Византии уже сложилось достаточно четкое представление о месте и роли Церкви в государстве, а полномочия патриарха и императора были строго определены. Так, императору принадлежало право созыва Вселенских Соборов, утверждения кандидатуры патриарха, в свою очередь патриарх венчал на царство императора; законы санкционировались Церковью, а каноны становились частью церковного законодательства, принимаемого светской властью. Вместе с тем власть императора в мирских делах была выше власти патриарха, действовавшего в силу распоряжений императора. Явственно к X–XI вв. прослеживается тенденция подчинения Церкви государству, которая со временем могла привести к поглощению церковного механизма государственным механизмом, но в истории Византии указанная тенденция не была доведена до логического завершения. Кандидатуры и патриархов, и митрополитов при назначении на должность по сложившейся практике согласовывались с византийским императором, который мог и самостоятельно, напрямую, изданием хрисовулов управлять любой митрополией, в том числе и Киевской, несмотря на то, что она находилась за пределами государственной границы Византии [Дьяконов, 1889, 10–12; Барсов, 1878, 377–381]. И это еще один аргумент в вопросе о юридических ограничениях княжеской власти в Древней Руси и о возможности византийского императора через церковную организацию управлять территориями, находящимися вне пределов византийского государства.

Поскольку официальный статус Русской Церкви в рассматриваемый период заключался в признании ее митрополией Константинопольской патриархии, то это означало, что верховное управление Церковью находилось не в Древней Руси, а за ее пределами, и принадлежало в первую очередь византийскому императору, а непосредственное руководство осуществлялось константинопольским патриархом, являвшимся подданным императора и находившимся вследствие занимаемой должности на службе империи.

Эти очевидные факты никто из исследователей не оспаривает. К примеру, крупнейший дореволюционный исследователь истории византийского государства и Церкви Н. А. Скабаланович утверждал, что любое лицо в империи, имевшее духовный сан, являлось и государственным служащим в том смысле, что было обязано выполнять не только распоряжения патриарха, но и приказы императора, связанные с деятельностью Церкви. Высшее православное духовенство зачастую занимало государственные должности с присвоением государственного чина и звания [Скабаланович, 1884, 179–180]. В силу этого митрополит Русской Православной Церкви, присланный из Византии, юридически являлся служащим византийского императора и представлял в русских землях не только патриарха константинопольского, но и византийского императора. Я. Н. Шапов, исследовавший историю отношений государства и Церкви в Древней Руси, указывал, что печати митрополитов-греков, присланных в Киевскую митрополию, содержали упоминание об их чине и звании при дворе патриарха [Шапов, 1989, 102], например «протопроедр и митрополит» Ефрем (1054–1068), «митрополит и синкелл» Георгий (около 1068–1073) (Янин, 1970, 174). Возможно, он ошибался, поскольку титулы «синкелл» и «протопроедр», как полагал Н. А. Скабаланович, даровали лицам духовного звания не патриархи, а императоры в подтверждение государственных полномочий назначаемых в Киевскую митрополию духовных лиц [Скабаланович, 2010, 284–289].

Соотношение властных полномочий главы митрополии и главы светской власти сложилось ещё в эпоху древнерусского государства и сохранялось достаточно долго,

вплоть до вступления процесса централизации государства в Северо-Восточной Руси в завершающую фазу. Однако эти отношения никогда не выступали только как двусторонняя связь русских князей и митрополитов, что вытекало из условий принятия на Руси христианства и создания церковной организации.

До 1448 г. только дважды в истории России (Илларион при Ярославе Мудром в середине XI в., Климент при Изяславе Мстиславиче в середине XII в.) были назначены митрополиты без учета мнения императора и патриарха. Но оба случая рассматривались и на Руси, и в Византии как вынужденное отступление от правил, а указанные митрополиты постфактум все же проходили процедуру одобрения и утверждения в должности константинопольским патриархом и византийским императором.

Думается, что принятие православного христианства для любого народа в эпоху Средневековья не только неизбежно влекло за собой подчинение местной светской власти константинопольскому патриарху, но и предусматривало возможность влияния императора на эту власть через созданную церковную организацию, в том числе и с помощью правовых рычагов воздействия. В силу канонических правил сначала древнерусские князья, а затем великие московские князья ставились под юрисдикцию митрополита Русской Православной Церкви, назначавшегося константинопольским патриархом в совете с византийским императором. Митрополит имел право осуществления правосудия над местным монархом как над любым мирянином, причем пользовался он нормами византийского права, а не русского.

При этом в рассматриваемый период церковная юрисдикция митрополита над князем как главой светской власти, как уже отмечалось, не подпадала под доктрину «симфонии властей», как это было в Византии в отношении патриарха и императора. Так, митрополит назначался на должность без учета мнения правящего в русских землях князя, а решение вопроса о наследовании княжеской должности также обходилось без участия митрополита. Если в Византии проявлением «симфонии властей» была возможность для императора созвать Собор и поставить перед собранием епископов вопрос о смещении патриарха с должности и даже суда над ним, как и была возможность у патриарха признать нелегитимной власть очередного императора, либо отказать во введении в должность императора определенной кандидатуре через обряд венчания на царство, наконец, отстранить императора от должности, отлучив его от Церкви. Далеко не все перечисленные полномочия были в отношении друг друга у русского монарха и митрополита до середины XV в. в силу сложившейся юридической конструкции государственно-церковных отношений. Русский князь не мог смещать с должности митрополита, да и любого епископа, причем даже передача князем земельных владений митрополиту (инвеститура) никоим образом не затрагивала юрисдикцию митрополита как представителя Константинопольской патриархии и Византийской империи в отношении любого правящего русского князя, в том числе и право осуществления над русскими князьями церковного правосудия.

К примеру, летописные своды содержат упоминания о фактах применения отлучения русских князей от Церкви и наложения интердикта в период раздробленности и складывания централизованного государства как средства давления на светскую власть в политических целях (ПСРЛ, 1885, 202; ПСЛР, 1922, 74–78). Так, известно по крайней мере о двукратном применении интердиктов со стороны митрополитов и о нескольких случаях применения анафемы в отношении русских князей.

Один из первых случаев применения анафемы в истории Древней Руси был связан с именем митр. Константина (1156–1159), сменившего в митрополии всех епископов, поставленных его предшественником Климентом Смолятичем, и анафематствовавшего уже покойного князя Изяслава [Макарий Веретенников, 2016, 230]. В период образования российского централизованного государства анафема использовалась митрополитами и как инструмент разрешения политических конфликтов, и одновременно как средство политического давления на светскую власть для осуществления церковных интересов.

Для достижения этих же целей использовался митрополитами и интердикт. К примеру, в 1329 г. митрополит Киевский Феогност наложил интердикт на всех жителей Пскова за укрывательство тверского князя Александра Михайловича, которого для суда требовал выдать золотоордынский хан Узбек. По мнению Е. Е. Голубинского, митр. Феогност вел промосковскую политику в интересах московского князя Ивана Калиты, используя право применения интердикта в политических целях для усиления влияния Москвы на северо-западе русских земель [Голубинский, 1901, 145]. В данной ситуации юридически интересна не только цель применения интердикта как меры коллективной ответственности по отношению к Псковской феодальной республике, но и то, что митрополит реализовал каноническое право на применение санкции к публично-правовому образованию как субъекту права. Интердикт был снят лишь после отъезда тверского князя в Литву и заключения мирного соглашения Пскова с Москвой.

В эпоху XIV–XV вв. по соглашению между князьями митрополит мог выступить как верховный судья в спорах между великим московским князем и удельными князьями, если назначенные светские судьи не могли прийти к соглашению (Черепнин, 1950, 52). С точки зрения рассматриваемой темы показательны события 70–80-х гг. XIV в., ибо в них отразилась истинная роль церковных и светских должностных лиц Руси и Византии, и показательна юридическая сторона конфликта государства и Церкви именно сквозь призму русско-византийских отношений.

Так, в XIV в. на повестку дня был поднят вопрос о судьбе церковной организации в землях Киевской митрополии, оказавшейся разделенной между тремя государствами — Московским и Литовским великими княжествами и Польским королевством. Это создавало определенные неудобства в управлении, тем более что резиденция была перенесена в Северо-Восточную Русь (с 1299 г. во Владимир, а с 1328 г. в Москву), но митрополия оставалась еще общерусской организацией. Правители, отстаивая свои политические интересы в церковной сфере, обращались к авторитету константинопольского патриарха, и, чтобы уравновесить противоречия и соперничество светских властителей, константинопольский патриарх разрешил резиденцию митрополита перенести в Северо-Восточную Русь, но митрополичью кафедру занимали исключительно выходцы либо из Византии, либо из Западной Руси.

Однако в условиях разрыва некогда общих земель древнерусского государства между новыми государственными образованиями сохранить церковное единство оказалось невозможно. Последняя попытка к сохранению единого церковно-административного устройства была предпринята в 1347 г. императором Иоанном VI Кантакузином, который своим хрисовулом закрепил единство общерусской митрополии (РИБ, Т. 6, 13–19). Но вскоре Византии все же пришлось утвердить образование независимых митрополий в Литве и польской части Галиции.

В истории России указанные события были тесно связаны с государственно-церковным кризисом 1378–1389 гг., порожденным противостоянием митр. Киприана с великим московским князем Дмитрием Ивановичем (Донским), пытавшимся противопоставить ему своего кандидата [Суворов, 2004, 83; Мейендорф, 1990, 309–412]. Кризис привел к необходимости вмешательства властей Византийской империи, пославшей в Московское княжество епископов для судебного разбирательства, поскольку дело дошло до предания Дмитрия Ивановича митр. Киприаном анафеме. И хотя епископы в конечном итоге были изгнаны Дмитрием Ивановичем из Москвы [Петров, 1996, 92–93], но это не изменяет юридической сути дела и еще раз подчеркивает зависимость не только церковной, но и светской власти Московского государства в этот период от Византийской империи.

Таким образом, юридически зависимость светской власти русских князей от византийского императора и константинопольского патриарха существовала. С принятием христианства светская власть в Древней Руси оказалась под юрисдикцией не только митрополита, но и константинопольского патриарха и византийского императора. Непосредственное право суда над русскими князьями имели митрополиты, но при необходимости не исключалось вмешательство константинопольского

патриарха и византийского императора в силу правовой конструкции византийской «симфонии властей».

Положение Церкви в русских землях до 1448 г. было *status in statu*, ибо юрисдикции князей она, будучи митрополией Константинопольской патриархии, по целому ряду вопросов не подчинялась. Например, до момента установления монголо-татарского ига русские князья не имели никаких юридических рычагов влияния на возведение в должность митрополитов. Внутрицерковные отношения в основном регулировались византийским церковным правом, представлявшим собой сплав норм церковного и светского происхождения. Отношения Киевской митрополии с древнерусским государством, в том числе разграничение судебной юрисдикции, базировались на церковных уставах кн. Владимира и Ярослава, юридическая суть которых заключалась в ограничении полномочий светской власти монархов властными полномочиями высшего духовенства.

Знаменитая доктрина «симфонии властей» тоже не могла быть осуществлена до момента падения Византийской империи, поскольку «симфония» предполагает наличие самостоятельных глав светской и церковной властей. Однако Русская Православная Церковь достаточно длительный период являлась митрополичьим округом Константинопольского патриархата и не могла проводить самостоятельную политику; не самостоятельны в период монголо-татарского ига были и светские правители. В то же время отношения государственной власти и Церкви на Руси значительно отличались от византийского варианта «симфонии властей», ведь должность монарха возникла здесь задолго до принятия христианства и передавалась, в отличие от Византии, независимо от позиции митрополита и епископов. В свою очередь митрополит и епископы также юридически не подчинялись русским князьям и имели право церковного правосудия над князьями в русских землях как представители Константинопольской патриархии и Византийской империи.

Источники и литература

Источники

1. ПВЛ — Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. АН СССР. Ч. 1–2. 1-е изд. Часть 1. Текст и перевод. М.; Л., Изд-во АН СССР в Л., 1950. 407 с.
2. РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией: в 39 т. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб.: Археографическая комиссия, 1880. 432 с.
3. ПСРЛ (1885) — Полное собрание русских летописей. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1885. 256 с.
4. ПСРЛ (1922) — Полное собрание русских летописей. Т. 15: Рогожский летописец. Пг., 1922. 186 с.
5. Черепнин (1950) — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Сост. Л. В. Черепнин; под ред. С. В. Бахрушина М.; Л., 1950. 585 с.
6. Янин (1970) — Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1. 328 с.

Литература

7. Адельгейм (2008) — Адельгейм П. А., *свящ.* Догмат о Церкви в канонах и практике. Реализация церковного суда. Нижний Новгород, 2008.

8. *Analecta* (1891) — *Analecta Byzantino-Russica* / Edidit W. Regel, Eggers & S. et I. Glasunof: Voss' Sortiment (G. Haessel), 1891. 153 с.
9. Артемов, Гайдено (2021) — *Артемов С.Н., Гайдено П.И.* К истории одного канонического памятника. О возможных причинах появления «Канонических ответов» митрополита Иоанна Продрома // *Христианское чтение*. 2021. № 4. С. 215–226. DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_215.
10. Барсов (1878) — *Барсов Т.В.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. СПб.: Тип. П. А. Ремизова, 1878. 578 с.
11. Беговатов (2017) — *Беговатов Т.А.* Городское православное духовенство в Тверской епархии в первой половине XIX века: профессиональная деятельность и повседневная жизнь. Тверь: СФК-офис, 2017. 312 с.
12. Белякова (2004) — *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. 663 с.
13. Ведряев (2021) — *Ведряев А.В.* Нормативное регулирование деятельности церковного суда в Русской Православной Церкви: история, современное состояние, проблемы и перспективы // *Христианское чтение*. 2021. № 3. С. 305–320. DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_305.
14. Величко (2013) — *Величко А.М.* Политико-правовой статус византийских императоров: историческое и идейное изменение их полномочий. URL: <https://pravoslavie.ru/58936.html> (дата обращения: 07.05.2022).
15. Водов (2002) — *Водов В.А.* Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в. // *Из истории русской культуры*. М., 2002. Т. 2. Кн. 1. С. 506–542.
16. Волужков (2018а) — *Волужков Д.В.* К вопросу о презумпциях и фикциях в современном церковном судопроизводстве // *Христианское чтение*. 2018. № 2. С. 97–101. DOI 10.24411/1814-5574-2018-10034.
17. Волужков (2018б) — *Волужков Д.В.* К вопросу об основаниях церковного судопроизводства: на примере «Положения о церковном суде Русской Православной Церкви» от 2008 г. // *Христианское чтение*. 2018. № 3. С. 158–171. DOI 10.24411/1814-5574-2018-10064.
18. Волужков (2019а) — *Волужков Д.В.* Отдельные вопросы церковного права в сравнении с правом светским. Комментарий к публикации // *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2019. № 1 (3). С. 167–172. DOI 10.24411/2587-8425-2019-10009.
19. Волужков (2019б) — *Волужков Д.В.* Профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Т. В. Барсов о реформе духовного суда Русской Церкви (на материале статей в журнале «Христианское чтение» 1870–73 гг.) // *Христианское чтение*. 2019. № 1. С. 119–130. DOI 10.24411/1814-5574-2019-10011.
20. Галимов (2012) — *Галимов Т.Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах XII — первой трети XIII века // *Вестник Челябинского государственного университета*. Сер.: История. 2012. № 25. С. 104–114.
21. Гайдено, Фомина (2012) — *Гайдено П.И., Фомина Т.Ю.* Пределы канонической власти архиереев в домонгольской Руси: богослужебный аспект // *История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 9. Ч. 2. С. 38–44.
22. Гайдено, Оспенников (2020) — *Гайдено П.И., Оспенников Ю.В.* Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2020. 260 с.
23. Гайдено (2020а) — *Гайдено П.И.* Суд над митрополитом Петром в глазах современников и книжников XVI в. // *Юридический вестник Самарского университета*. 2020. Т. 6. № 3. С. 19–27. DOI 10.18287/2542-047X-2020-6-3-19-27.
24. Гайдено (2020б) — *Гайдено П.И.* О праве суда над епископатам на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // *Христианское чтение*. 2020. № 1. С. 90–108. DOI 10.24411/1814-5574-2020-10008.
25. Глухов (2006) — *Глухов В.А.* Генезис правосознания: развитие церковной юрисдикции по уголовно наказуемым деяниям в Российском государстве XIV–XVII вв. Псков: Псковский юридический ин-т ФСИН России, 2006. 143 с.

26. Голубинский (1901) — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви: в 2 т. М., 1901. Т. 2. 616 с.
27. Горский (1995) — *Горский А. А.* Об эволюции титулатуры верховного правителя в Древней Руси (Домонгольский период) // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (материалы). М.: РАН ИРИ, 1995. 354 с.
28. Дорская (2014) — *Дорская А. А.* Попытки реформирования церковных судов в системе судостроительства Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Российская судебная власть в контексте историко-правовых исследований: сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2014. С. 161–172.
29. Дьяконов (1889) — *Дьяконов М. А.* Власть Московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI века. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 224 с.
30. Емченко (2005) — *Емченко Е. Б.* «Царствующий град» в источниках XVI в. // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Шапову. М.: Издание Паломнического центра Московского Патриархата, 2005. 414 с.
31. Ерохина (2020а) — *Ерохина Ю. В.* Церковный суд в России: взгляд правоведа // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 2. С. 315–340. DOI 10.21638/spbu28.2020.209.
32. Ерохина (2020б) — *Ерохина Ю. В.* Рецензия на монографию Ю. В. Оспенникова, П. И. Гайдено «Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты» (СПб.: Изд-во СПбПДА, 2020. — 260 с.) // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 238–248. DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_238.
33. Исидор Тупикин (2022) — *Исидор (Тупикин), митр.* Взгляд архиерея XXI века на обсуждение реформы духовного суда в конце XIX — начале XX столетия // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 186–195. DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_186.
34. Левченко (1956) — *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Госиздат, 1956. 556 с.
35. Макарий Веретенников (2016) — *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 1256 с.
36. Малето (2018) — *Малето Е. И.* Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV — середине XV в. М.: Центполиграф, 2018. 224 с.
37. Марк Святогоров, Тарнакин (2018) — *Марк (Святогоров), иером., Тарнакин Н. А.* Юридические фикции и презумпции в церковном судопроизводстве (по Положению о Церковном суде 2008 г.) // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 125–133.
38. Медведев (1972) — *Медведев В. П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е. В. Тарле. Л.: Наука, 1972. С. 412–424.
39. Мейендорф (1990) — *Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь: Очерки по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris: YMCA-PRESS, 1990. 442 с.
40. Михайлова, Ефимова (2010) — *Михайлова И. Б., Ефимова М. В.* Москва и Константинополь в княжение Дмитрия Донского: новый «Царьград» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. Сер. 2. Вып. 4. С. 3–15.
41. Николин (1997) — *Николин А.* Церковь и государство: (История правовых отношений). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997. 430 с.
42. Оболенский (1970) — *Оболенский Д.* Связи между Византией и Русью в XI–XV вв. // XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа, 1970. М.: Наука, 1970. 14 с.
43. Осавелюк (2019) — *Осавелюк А. М.* Церковь и государство. М.: Проспект, 2019. 432 с.
44. Оспенников (2020а) — *Оспенников Ю. В.* Противодействие коррупции в сфере церковного управления и суда XVI в. по Стоглаву: борьба подходов // Христианское чтение. 2020. № 3. С. 47–60.
45. Оспенников (2020б) — *Оспенников Ю. В.* «Отрицаая современный ему римский экстраординарный процесс»: отзыв на статью прот. А. Балакая о церковном суде Древней Церкви // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 123–133.

46. Павлов (1879) — *Павлов А. С.* Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права. Т. Барсова, э. орд. проф. Спб. духовной академии: «Константинопольский патриарх и его власть над русскою церковию». СПб., 1878. Рецензия. М.: Унив. тип., 1879. 52 с.
47. Павлушков (2014) — *Павлушков А. Р.* Практика великого отлучения в истории государственно-церковных отношений в России // Клио. 2014. № 3. С. 56–61.
48. Павлушков (2019) — *Павлушков А. Р.* Церковный интердикт: историко-правовой курс и практика применения // История государства и права. 2019. № 7. С. 48–53.
49. Петров (1996) — *Петров А. Е.* Дмитрий Донской // Великие государственные деятели России / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1996. 464 с.
50. Скабаланович (1884) — *Скабаланович Н. А.* Научная разработка византийской истории XI в.: Речь, произнесенная доцентом Н. А. Скабалановичем 18 мая 1884 г. перед публичной защитой диссертации на степень доктора богословия под заглавием «Византийское государство и церковь в XI в.» // Христианское чтение. 1884. Ч. II. С. 162–180.
51. Скабаланович (2010) — *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Изд. 2-е, испр. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 864 с.
52. Скрынников (1996) — *Скрынников Р. Г.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 т. Смоленск: Русич, 1996. Т. 1. 214 с.
53. Скрынников (2000) — *Скрынников Р. Г.* Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII веков. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 460 с.
54. Православная мысль (1947) — Православная мысль: Труды Православного богословского института в Париже. Париж, 1947. Вып. 5. 161 с.
55. Соколов (2003) — *Соколов И. И.* Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии. О византизме в церковно-историческом отношении. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 351 с.
56. Суворов (1889) — *Суворов Н. С.* Курс церковного права: в 2 т. Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1889. Т. 1. 369 с.
57. Суворов (2004) — *Суворов Н. С.* Учебник церковного права / Под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 476 с.
58. Тетюхин (2019) — *Тетюхин И. Н.* Значение номоканона в развитии Церковного суда в России // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 79–95.
59. Шевырин (2019) — *Шевырин В. М.* Малето Е. И. Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV — середине XV в. М.: Центрополиграф, 2018. 333 с. (Новейшие исследования по истории России) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История: Информационно-аналитический журнал. 2019. № 2. С. 45–50.
60. Шершнева-Цитульская (2016) — *Шершнева-Цитульская И. А.* Правовой статус церковных имуществ в России в допатриарший период. М.; Саратов: Изд-во ВГУЮ (РПА Минюста России), Ай Пи Эр Медиа, 2016. 140 с.
61. Шапов (1989) — *Шапов Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси, X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 228 с.
62. Ševuenco (1964) — *Ševuenco I.* Some Autographs of Nikephorus Gregoras // Сборник радова Византолошког института (ЗРВИ). 1964. Т. 8/2. С. 435–450.